

Военное
детство

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЛИНИЯ СВЯЗИ

Военное детство

Лев Кассиль

Линия связи

Издательство «Детская литература»

1987

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кассиль Л. А.

Линия связи / Л. А. Кассиль — Издательство «Детская литература», 1987 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006278-0

В сборник вошли известные рассказы Льва Кассиля о скромных героях Великой Отечественной войны, чьи ежедневные подвиги сделали возможной великую Победу. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006278-0

© Кассиль Л. А., 1987
© Издательство «Детская литература», 1987

Содержание

Линия связи	7
Портрет огнем	10
Абсолютный слух	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лев Кассиль

Линия связи

Серия «Военное детство»

Серийное оформление О. Рытман
Рисунок на переплете А. Акишина

© Кассиль Л. А., наследники, 1987

© Годин И. М., наследники, рисунки, 1987

© Составление, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2020

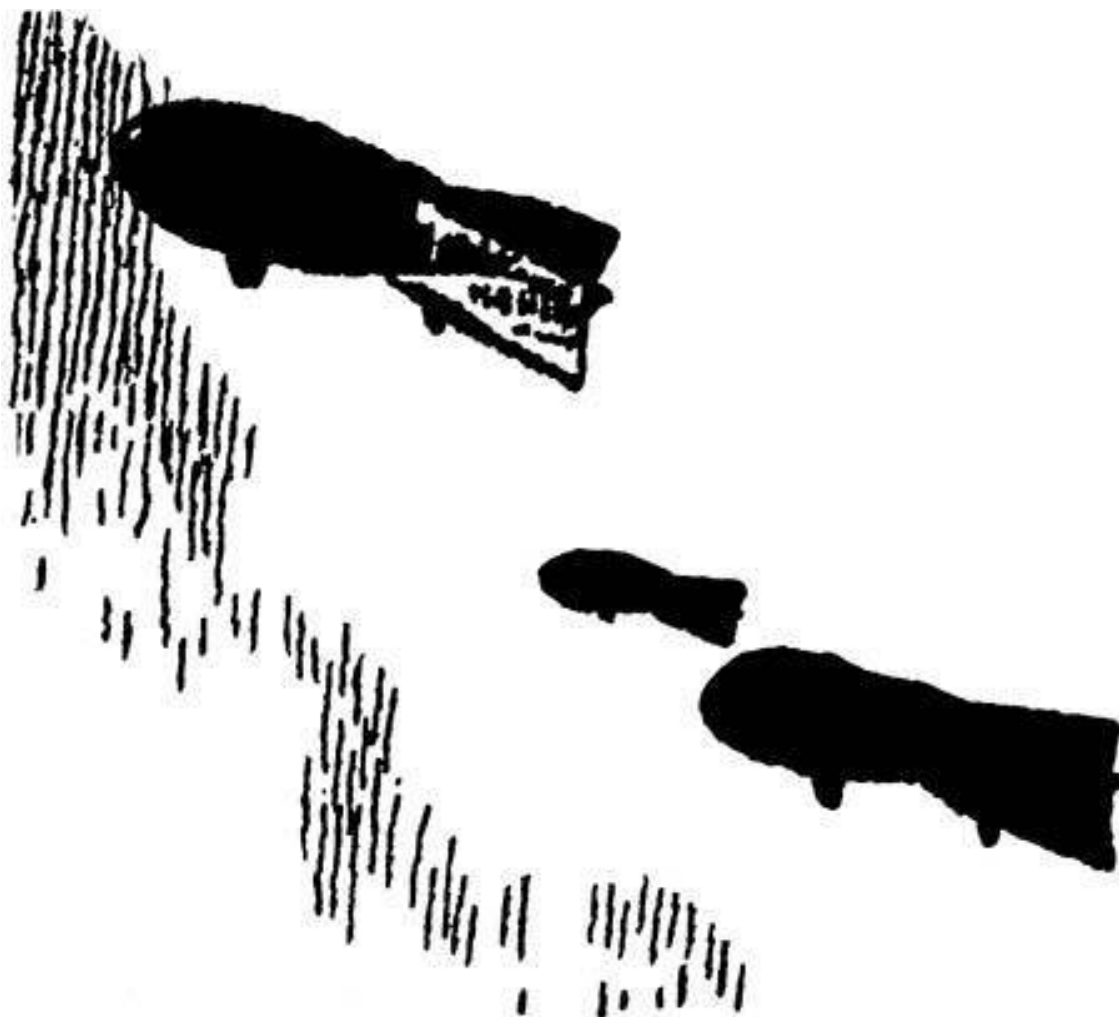
* * *

1941–1945

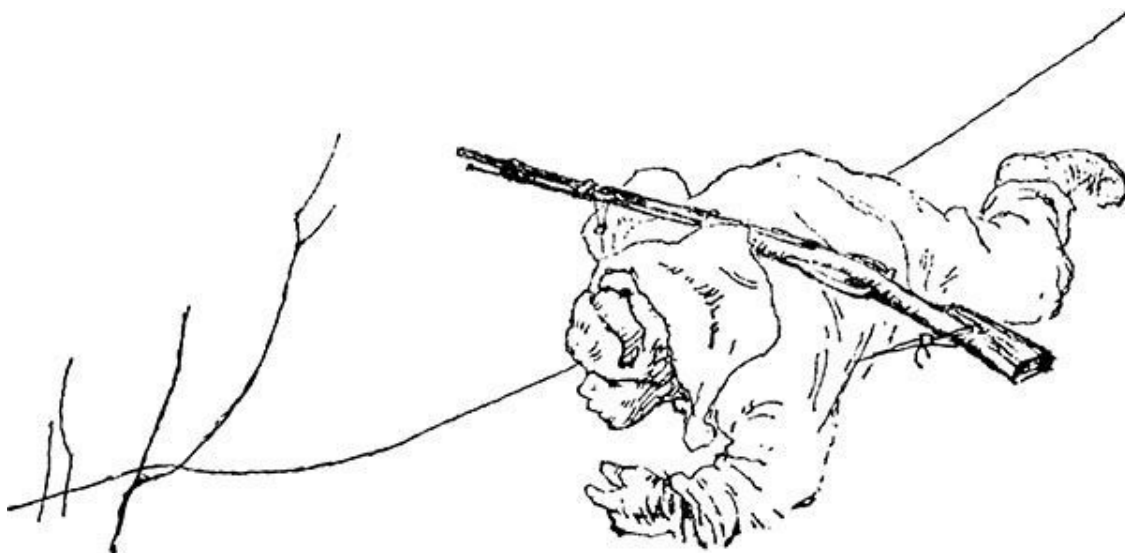
К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Линия связи

Памяти сержанта Новикова

Лишь несколько кратких информационных строк было напечатано в газетах об этом. Я не стану повторять их вам, потому что все, кто читал это сообщение, запомнили его навсегда. Нам неизвестны подробности, мы не знаем, как жил человек, совершивший этот подвиг. Мы знаем только, как кончилась его жизнь. Товарищам его в лихорадочной спешке боя некогда было записывать все обстоятельства того дня. Придет еще время, когда героя воспоют в балладах, вдохновенные страницы будут охранять бессмертие и славу этого поступка. Но каждый из нас, прочитавших коротенькое, скупое сообщение о человеке и его подвиге, захотел сейчас же, ни на минуту не откладывая, ничего не дожидаясь, представить, как все это свершилось... Пусть меня поправят потом те, кто участвовал в этом бою, может быть, я не совсем точно представляю себе обстановку или прошел мимо каких-то деталей, а что-то прибавил от себя, но я расскажу обо всем так, как увидело поступок этого человека мое воображение, взволнованное пятистрочной газетной заметкой.

Я увидел просторную снежную равнину, белые холмы и редкие перелески, сквозь которые, шурша о ломкие стебли, мчался морозный ветер. Я расслышал надсадный и охрипший голос штабного телефониста, который, ожесточенно вертя рукоятку коммутатора и нажимая кнопки, тщетно вызывал часть, занимавшую отдаленный рубеж. Враг окружал эту часть. Надо было срочно связаться с ней, сообщить о начавшемся обходном движении противника, передать с командного пункта приказ о занятии другого рубежа, иначе – гибель... Пробраться туда было невозможно. На пространстве, которое отделяло командный пункт от ушедшей далеко вперед части, сугробы лопались, словно огромные белые пузыри, и вся равнина пенилась, как пенится и бурлит взбугренная поверхность закипевшего молока.

Немецкие минометы били по всей равнине, взметая снег вместе с комьями земли. Вчера ночью через эту смертную зону связисты проложили кабель. Командный пункт, следя за развитием боя, слал по этому проводу указания, приказы и получал ответные сообщения о том, как идет операция. Но вот сейчас, когда требовалось немедленно изменить обстановку и отвести передовую часть на другой рубеж, связь внезапно прекратилась. Напрасно бился над своим аппаратом, припадая ртом к трубке, телефонист:

– Двенадцатая!.. Двенадцатая!.. Ф-фу... – Он дул в трубку. – Арина! Арина!.. Я – Сорока!.. Отвечайте!.. Отвечайте!.. Двенадцать восемь дробь три!.. Петя! Петя!.. Ты меня слы-

пишь? Дай отзыв, Петя!.. Двенадцатая! Я – Сорока!.. Я – Сорока! Арина, вы слышите нас? Арина!..

Связи не было.

– Обрыв, – сказал телефонист.

И вот тогда человек, который только вчера под огнем прополз всю равнину, хоронясь за сугробами, переползая через холмы, зарываясь в снег и волоча за собой телефонный кабель, человек, о котором мы прочли потом в газетной заметке, поднялся, запахнул белый халат, взял винтовку, сумку с инструментами и сказал очень просто:

– Я пошел. Обрыв. Ясно. Разрешите?

Я не знаю, что говорили ему товарищи, какими словами напутствовал его командир. Все понимали, на *что* решился человек, отправляющийся в проклятую зону...

Провод шел сквозь разрозненные елочки и редкие кусты. Вьюга звенела в осоке над замерзшими болотцами. Человек полз. Немцы, должно быть, вскоре заметили его. Маленькие вихри от пулеметных очередей, курясь, затанцевали хороводом вокруг. Снежные смерчи разрывов подбирались к связисту, как косматые призраки, и, склоняясь над ним, таяли в воздухе. Его обдавало снежным прахом. Горячие осколки мин противно взвизгивали над самой головой, шевеля взмокшие волосы, вылезшие из-под капюшона, и, шипя, плавил снег совсем рядом...

Он не слышал боли, но почувствовал, должно быть, страшное онемение в правом боку и, оглянувшись, увидел, что за ним по снегу тянется розовый след. Больше он не оглядывался. Метров через триста он нащупал среди вывороченных обледенелых комьев земли колючий конец провода. Здесь прерывалась линия. Близко упавшая мина порвала провод и далеко в сторону отбросила другой конец кабеля. Ложбинка эта вся простреливалась минометами. Но надо было отыскать другой конец оборванного провода, проползти до него, снова срастить разомкнутую линию.

Грохнуло и завывало совсем близко. Стопудовая боль обрушилась на человека, придавила его к земле. Человек, отплеываясь, выбрался из-под навалившихся на него комьев, повел плечами. Но боль не стряхивалась, она продолжала прижимать человека к земле. Человек чувствовал, что на него наваливается удушливая тяжесть. Он отполз немного, и, наверное, ему показалось, что там, где он лежал минуту назад, на пропитанном кровью снегу, осталось все, что было в нем живого, а он двигается уже отдельно от самого себя. Но как одержимый он карабкался дальше по склону холма. Он помнил только одно: надо отыскать висящий где-то там, в кустах, конец провода, нужно добраться до него, уцепиться, подтянуть, связать. И он нашел оборванный провод.

Два раза падал человек, прежде чем смог приподняться. Что-то снова жгуче стегнуло его по груди, он повалился, но опять привстал и схватился за провод. И тут он увидел, что немцы приближаются. Он не мог отстреливаться: руки его были заняты... Он стал тянуть проволоку на себя, отползая назад, но кабель запутался в кустах. Тогда связист стал подтягивать другой конец. Дышать ему становилось все труднее и труднее. Он спешил. Пальцы его коченели...

И вот он лежит неловко, боком на снегу и держит в раскинутых, костенеющих руках концы оборванной линии. Он силится сблизить руки, свести концы провода вместе. Он напрягает мышцы до судорог. Смертная обида томит его. Она горше боли и сильнее страха... Всего лишь несколько сантиметров разделяют теперь концы провода. Отсюда к переднему краю обороны, где ожидают сообщения отрезанные товарищи, идет провод... И назад, к командному пункту, тянется он. И надрываются до хрипоты телефонисты... А спасительные слова помощи не могут пробиться через эти несколько сантиметров проклятого обрыва! Неужели не хватит жизни, не будет уже времени соединить концы провода?

Человек в тоске грызет снег зубами. Он силится встать, опираясь на локти. Потом он зубами зажимает один конец кабеля и в иступленном усилии, перехватив обеими руками другой провод, подтаскивает его ко рту. Теперь не хватает не больше сантиметра. Человек уже

ничего не видит. Искристая тьма выжигает ему глаза. Он последним рывком дергает провод и успевает закусить его, до боли, до хруста сжимая челюсти. Он чувствует знакомый кислотовато-соленый вкус и легкое покалывание языка. Есть ток! И, нашарив винтовку помертвевшими, но теперь свободными руками, он валится лицом в снег, неистово, всем остатком своих сил стискивая зубы. Только бы не разжать... Немцы, осмелев, с криком набегают на него. Но опять он наскреб в себе остатки жизни, достаточные, чтобы приподняться в последний раз и выпустить в близко сунувшихся врагов всю обойму... А там, на командном пункте, просиявший телефонист кричит в трубку:

– Да, да! Слышу! Арина? Я – Сорока! Петя, дорогой! Принимай: номер восемь по двенадцатому.

... Человек не вернулся обратно. Мертвый, он остался в строю, на линии. Он продолжал быть проводником для живых. Навсегда онемел его рот. Но, пробиваясь слабым током сквозь стиснутые его зубы, из конца в конец поля сражения неслись слова, от которых зависели жизни сотен людей и результат боя. Уже отомкнутый от самой жизни, он все еще был включен в ее цепь. Смерть заморозила его сердце, оборвала ток крови в оледеневших сосудах. Но яростная предсмертная воля человека торжествовала в живой связи людей, которым он остался верен и мертвый.

Когда в конце боя передовая часть, получив нужные указания, ударила немцам во фланг и ушла от окружения, связисты, сматывая кабель, наткнулись на человека, полузанесенного поземкой. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в снег. В руке его была винтовка, и окоченевший палец застыл на спуске. Обойма была пуста. А поблизости в снегу нашли четырех убитых немцев. Его приподняли, и за ним, вспарывая белизну сугроба, потащился прикушенный им провод. Тогда поняли, как была восстановлена линия связи во время боя...

Так крепко были стиснуты зубы, зажавшие концы кабеля, что пришлось обрезать провод в углах окоченевшего рта. Иначе не освободить было человека, который и после смерти стойко нес службу связи. И все вокруг молчали, стиснув зубы от боли, пронявшей сердце, как умеют молчать в горе русские люди, как молчат они, если попадают, обессиленные от ран, в лапы «мертвоголовых», – наши люди, у которых никакой мукóй, никакими пытками не разжать стиснутых зубов, не вырвать ни слова, ни стоны, ни закушенного провода.

Портрет огнем

Я сидел у самой воды, возле маленького каменного волнолома. Сложенный из грубых камней, он в штормовые дни защищал санаторный пляж от разрушительных ударов прибоя. Отсюда обычно прыгали в море наиболее яростные наши купальщики. Было это осенью 1944 года в Сочи. Война уже далеко ушла от наших черноморских берегов, и тут, в санатории, отдыхали, заканчивали поправку после лечения в госпитале раненные генералы и офицеры.

Санаторий уже успели отремонтировать. Жизнь в нем подчинялась обычному, еще до войны установленному распорядку, но радиоприемник не выключали до самой поздней ночи, чтобы прослушать свежую оперативную сводку. А на пляже, полузанесенные песком, еще валялись расколотые бетонные вазоны и громоздились пористые глыбы известняка – их год назад разворотило взрывом торпеды, угодившей в стенку набережной.

Я сидел на одной из этих уже обточенных морем глыб и смотрел на закат. На пляже никого не было. Только на белых глыбах неподалеку от меня лежала забытая кем-то из купальщиков большая мохнатая простыня. Я встал с камня и направился к ней, чтобы отнести сестре-хозяйке казенное добро, но, наклонившись, увидел, что на пушистой, похожей на густой мох материи вышита в углу метка – красная буква «Я». Значит, кто-то из купавшихся забыл на пляже свою собственную, а не санаторную простыню.

Тут я заметил, что из-под простыни видны огромные растоптанные сандалии, фасоном и размерами своими напоминающие ковши экскаватора... Теперь стало ясно, что все это хозяйство забыл на берегу полковник Ярчук. Он всегда ходил купаться со своей простыней, и только ему, бывшему чемпиону и рекордсмену по тяжелой атлетике, гиревнику-тяжеловесу, были по ноге эти непомерные сандалии.

Приподняв простыню, я обнаружил под ней аккуратно сложенную пижаму и легкие парусиновые брюки. Это уже показалось мне странным. Не ушел же отсюда полковник раздетый и босой?... Я вскочил и огляделся. Никого кругом не было. В этот час уже не купались. Пустынное море, по которому пошли холодные фиолетовые тени и розовато-стальные плёсы, казалось заснувшим. Я не на шутку встревожился.

В полковнике Ярчуке давно уже замечали некоторые странности. Этот огромный, могучего сложения человек и в жаркие дни ходил, подняв отложной воротник пижамы, по вечерам надевал китель с чрезмерно высоким стоячим воротом. Он не жарился с нами на пляже и купался в одиночку, где-то в стороне ото всех.

Я уже собрался было бежать в санаторий, чтобы поднять тревогу, как вдруг за моей спиной, у конца волнореза, не очень далеко вдававшегося в море, что-то забурило, зафыркало, и, оглянувшись, я увидел, как поверхность воды вспучилась, закипела, раздалась, словно со дна моря поднялся вулканический остров. Вокруг него разбежались по спокойной глади моря кольца волночек, показалась голова в красной резиновой шапочке, потом исполинские плечи, и из моря вышел полковник Ярчук.

– Ффффу ты чёрт! Ух-х, фrrrrr! – сердито отплевывался и бормотал он, шагая к берегу, бурно взрывая воду и гоня за собой завивающиеся в ней воронки, чем-то похожий на Гулливера, волочащего за собой флот блефусканцев. – Я из-за вас уже полчаса не вылезаю, за молом плавал. Ну, идите, идите отсюда. Чего смотрите? Не люблю.

Он вышел из моря, ступил на камни, обжал на бедрах сморщенные плавки. А по груди, по великаньим плечам его, похожим на склоны широкой дюны, бежали, егозили струйки, и долго еще обильно текла с него на камень вода – так много моря приняло на себя это просторное тело. Да, природа наделила полковника редкостным сложением! Мышцы неохватной груди ходили, как кованые створы ворот, смуглые ноги, тонкие в лодыжках и могучие в икрах, напоминали глиняные амфоры, а когда он, стряхивая с себя брызги, помотал кистями мокрых рук, от локтя к плечу мгновенно заметались шаровидные молнии бицепсов.

Но другое поразило меня в полковнике. Он уже давно обернулся в простыню и, крикая, растирался ею, а я все смотрел на него, ошеломленный тем, что успел разглядеть. Никогда не представлял я себе, что тело полковника хранит следы таких удивительных ранений. Его огромное тело было опалено, иссечено, поковеркано с обоих боков, причем лицо, шея спереди и грудь, внутренние стороны ног и рук непонятным образом остались совершенно чистыми. Зато по внешним обводам тела – от мочки уха до плеча, от плеча – по тыльной стороне рук – до мизинца, от бедра до щиколотки – всё слева и справа было в глубоких ссадинах, ожогах, шрамах.

Полковник уже успел загореть во время своего отдыха в санатории, тело его было смуглым, но в заживших рубцах, там, где свежая, нарошшая кожа не принимала солнца, она огненно алела. А под кожей будто роились во множестве иссиня-зеленые мурашки пороха и мелких осколков. Казалось, что какая-то злая рука огнем и крошечным железом тщательно обвела все тело полковника по контуру, как обводят силуэты на плакатах. Особенно поразило меня, что следы всех этих ранений с непостижимой точностью расположились лишь по краям тела. Что это? Дикая татуировка или отметины какой-то адски изощренной пытки?..

Полковник заметил мой взгляд, хмуро посмотрел и отвернулся.

– Что? Отметины мои считаете? Да, расписан обстоятельно, на совесть. Если так любопытствуете, могу и пояснить. Вы видите перед собой, так сказать, портрет, вернее, тень Васи Петрова... Василия Степановича Петрова... Лейтенанта. Всякие случаи бывают на войне. Но не знаю, был ли с кем-нибудь еще подобный... Покурить есть у вас? А то я свои наверху забыл.

Мы сели на камень, закурили.

– Что я был командиром авиадесантного полка, – начал он, – вы знаете. Я вам кое-что рассказывал. А Петров был у меня адъютантом. С осени сорок первого года мы с ним сошлись, и я уж его от себя не отпускал. Чудесный был парень, домовитый, заботливый сибиряк. Преданный удивительно. Ну, правда, я его один раз выручил: он ногу сломал, неудачно приземлился с парашютом, так я его через фронт пять километров на себе... Ну это, в общем, деталь, я не об этом. Так вот, о Васе Петрове. Очень он ко мне привязался, ни на шаг не отходил, прямо даже надоедал иной раз своей заботой. А парень был спортсмен, ростом с меня – сантиметр

в сантиметр, корпусом, правда, немножко пониже, костью легче, да и весь чуть поизящнее. Только один был изъян: левое плечо ниже правого. За партой в детстве, видно, криво сидел. Так вот, пошли мы в один рейд, прыгнули за линию фронта, куда нам полагалось, а вышло неудачно. Обнаружили нас немцы. Ну мы, как полагается, круговую оборону держали, а потом проскочили. Залегли. Тихо вокруг нас стало. Я подождал, подождал, нет как будто никого, поднялся во весь рост, чтобы осмотреться... Ну а фигурка у меня довольно достопримечательная. Меня и шарахнули миной откуда-то из леска почти прямой наводкой. Я и сообразить не успел, что и как. Только увидел в нескольких шагах перед собой, как ахнуло огнем! И в тот же миг закрыло меня всего что-то высокое, темное. Грохнуло все вокруг, оглушило, обожгло – слева и справа. Зажмурился. Чувствую, что-то привалилось ко мне. Открыл я глаза и вижу... Лучше бы не видел этого...

Ярчук резко повел плечами, плотнее завернулся в простыню.

– Вижу, понимаете, валится мне под ноги мой адъютант. Я схватил его за локти, чтобы поддержать. Сам испытываю странную боль, щипки и уколы, словно кусачками меня рвут со всех сторон. Слышу, кричат мне: «Товарищ полковник, вы ранены, везде кровь на вас...» Я упал. Но Васи Петрова из рук не выпустил. Только вижу, что он уже у меня в руках – покойник. Весь, бедняга, пробит, все лицо, вся грудь изорваны, гимнастерка – в клочья, ремни наплечные перебиты. Только тогда понял я, что тут вышло. Понимаете, что он сделал? Когда угодила мина, он успел кинуться передо мной навстречу взрыву. Вскочил с земли, спиной ко мне, лицом к смерти, и все, что мне причиталось, весь заряд, весь густой конус осколков, весь огонь на себя принял в упор... А меня заслонил собой. Видите, только по касательной меня задело – лишь те осколки, что его облетели. Я говорил вам, что Петров был роста со мной одинакового, но в плечах поуже, сложение полегче. Вот, можете убедиться: все это на мне отпечаталось в точности...

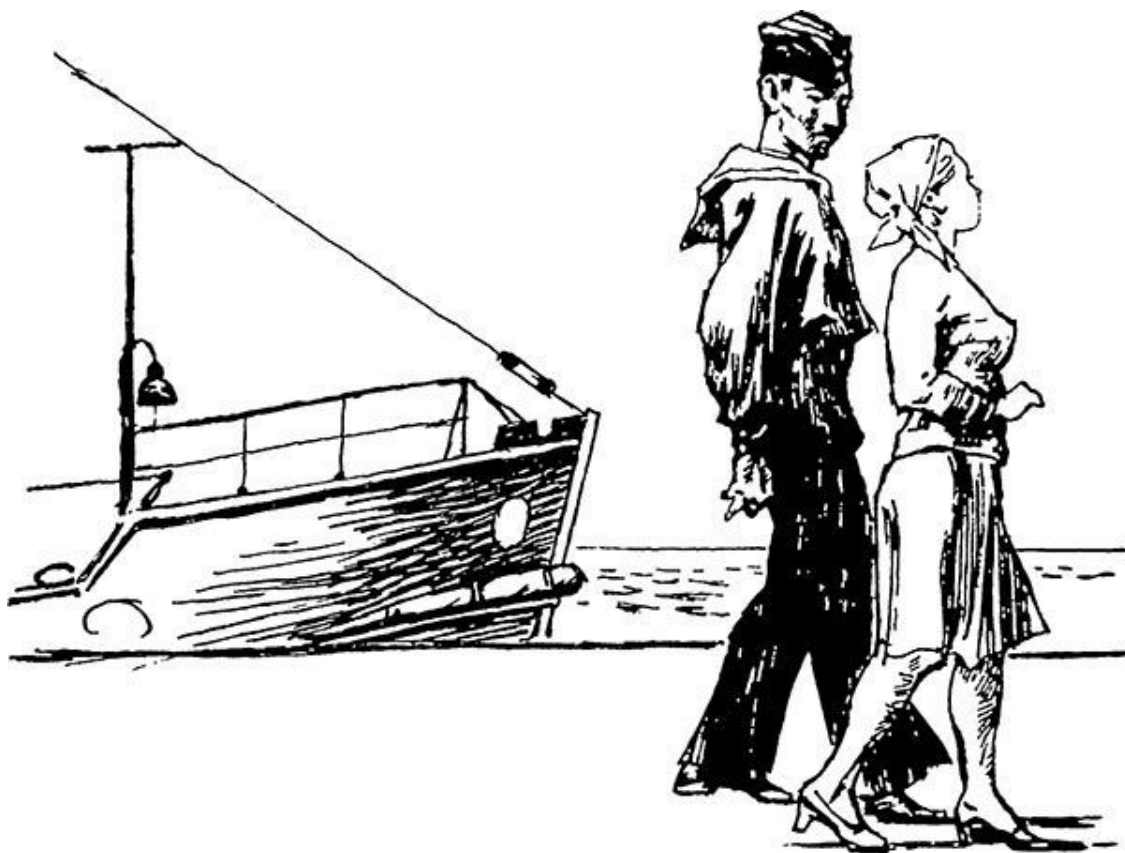
Ярчук встал с камня, подошел ко мне вплотную, сбросил простыню, расправил плечи, закрыл ими полгоризонта.

– Левое плечо у него, я уж говорил, пониже было, – продолжал он, – и у меня тут слева плечо больше задето. По контуру обведено. Знаете, как ребята: руку положат на бумагу и обводят карандашом... Спас меня человек и на мне свой портрет отпечатал, словно на память... Так и ношу на себе, уж это не слиняет. Вот не люблю только, когда расспрашивать начинают...

Я еще раз взглянул на полковника. Он стоял передо мной, вытянувшись во весь свой огромный рост, и, показалось мне, ясно проступил на его могучем теле огнем обведенный, врезанный железом, порохом протравленный силуэт того, кто заслонил собой сердце командира и друга, стал лицом к смерти и принял разрыв на себя.

Я подумал тогда, что так вот и на всей нашей жизни, на всем, что уберегли, что отвоевали, навсегда останется отпечаток великого подвига тех, кто, прикрыв собой самое заветное, стал лицом к огню и принял его в упор на себя!

Абсолютный слух

Сам Перчихин полагал, что, будь у него мало-мальски подходящий голос, он, несомненно, стал бы знаменитейшим певцом. Но голоса у Семёна Перчихина не было никакого, даже самого неподходящего. Зато он обладал совершенно феноменальным по остроте слухом. Я еще не встречал человека со столь чутким и точным ухом. Это и определило его военную специальность.

Родом он был из Кронштадта. Вырос в семье коренных балтийцев. Но плавать ему довелось на северных морях, за Полярным кругом. Поразительная острота слуха – он умел распознавать звуки, которые никто, кроме него, не улавливал, – пригодилась Семёну Перчихину на флоте. Музыкальная карьера, о которой мечтал он, не получила здесь развития, но зато старшина второй статьи Семён Перчихин стал превосходным гидроакустиком на гвардейской крейсерской подводной лодке, которой командовал Герой Советского Союза Звездин.

Когда подводный корабль уходил в дальнейшее автономное плавание, тайком, с немыслимой смелостью пробираясь в район, где стояли вражеские суда, связь с внешним миром обрывалась. Нельзя даже было принимать радио, так как чувствительные пеленгаторы, аппараты-искатели, на неприятельских кораблях могли бы поймать слабое излучение в эфир, неустранимое даже тогда, когда радиоаппаратура лодки работает на прием. Лодка выдала бы этим свое место, и тогда поминай как звали...

В таких случаях приходилось подолгу идти в подводном положении. Опасно было даже на мгновение поднять перископ. Единственной связью со всем, что оставалось за железными бортами лодки, были в эти минуты уши Перчихина, с тонкими, причудливо изогнутыми раковинами, сквозь бледную кожу которых просвечивали нежные прожилки, что делало похожим

ухо на какой-то экзотический цветок. Перчихин, втиснутый в крохотную каюту, безвылазно сидел у гидроакустических аппаратов и, ущемив голову наушниками, неотрывно слушал море.

Сколько раз предлагал он и мне послушать... Я тоже надевал наушники, слышал гул моря – и он мне ничего не говорил. Но для Перчихина раскрывалась целая книга звуков, неуловимых, ему одному понятных шорохов.

– Как же вы не разбираетесь, вот послушайте, – пояснял он, возвращая мне наушники снова, – пух-пух, пух-пух, редкий такой звук, тяжелый, с придыханием... Это транспорт ползет, солидная посуда. Километра четыре отсюда. А вот хорошо прослушивается стучок, такой переливчатый, металлом отзванивает... Слышите? Это уже миноносец пошел. А где-то еще ботишка топает – слышите? – движок у него кудахчет.

Но, как я ни напрягал слух, в ушах стоял только ровный, однообразный, легонько звенящий гул. Однако, подняв перископ, мы видели на поверхности моря все, что слышал в глубинах его Семён Перчихин: и большой грузовой корабль в отдалении, и миноносец, конвоировавший его, и маленький рабочий бот, выходящий из гавани.

Море несло в себе тысячи шумов, и каждый из них был ясен и знаком Перчихину. Он легко расшифровывал эти звуковые иероглифы, и чуткое ухо его никогда не путало внешних звуков с целым оркестром шумов, шорохов, перезвонов, стуков, которые жили в самой подводной лодке, производились ею и тоже прослушивались через акустические аппараты. Перчихин с волшебной точностью распознавал малейшее движение на своем подводном корабле. Он безошибочно определял, какой механизм действует, каким ходом идет подлодка. Тикание хронометра, посапывание помпы – все слышал Перчихин. Он узнавал по звуку командира, комиссара, боцмана. Доходило до того, что Перчихин, не сходя с места, лишь приоткрыв двери своей каютки, кричал коку:

– Эй, в камбузе!.. Миронов, у тебя там кипит чего-то, смотри, чтоб не убежало.

О его необыкновенном слухе уже складывались легенды. Моряки охотно преувеличивали удивительные способности своего акустика, а сам Семён Перчихин не слишком стремился облачать эти рассказы. Он не прочь был иной раз блеснуть своим действительно невероятным по чуткости слухом.

– Ну, Перчихин, что слышать? – спрашивали его соскучившиеся в долгом и трудном походе подводники.

Перчихин, согнувшись над своими аппаратами, приподняв один наушник и посматривая из-под него на заглянувших к нему товарищей, не спеша докладывал:

– Что слышно? Да всякое слышно. Вот катер пошел километров пять отсюда. На борту кто-то песни поет... Ага! «Любил я очи голубые...» У гитары новый строй, только на одной струне слабина. Эх, тупоухие! Не в тон настроили... А вот сейчас камбала мимо нас проплыла. Определенно камбала. Треска не так ходит, у трещочки звук другой.

– Да будет тебе травить! – смеялись подводники. – Как же это ты рыбу можешь слышать?

– Знаешь, какое ухо у меня поразительное, абсолютный слух, – не сдавался Перчихин. – Я самую тихую тихость чувствую. Я слово слышу, когда оно еще к тебе на язык только ладится, как присест... Ты его еще не сказал, может быть, оно у тебя еще только в мозгах шевелится, а я уже его слышу. Вот, например, Костя Миронов смотрит на меня сейчас, и вот он сейчас скажет: «Врешь ты все, травила несчастный!»

– И верно, что травила, – сердился кок.

– Ну, вот я же говорю, что слышал заранее.

Миронов отплевывался, махал рукой и уходил в другой отсек. А Перчихин кричал ему вдогонку:

– Иди, иди, а то у тебя в животе бурчит, это мне на барабанную перепонку действует!

– Эх, – говаривал мне не раз Перчихин, – мне бы с моим слухом оперы на проверку брать, в лесу птицам голоса ставить... А я из-за данных военных условий должен фрицев прослушивать, всю их пакость... Довольно-таки неблагозвучно для моего слуха.

Как-то подводники решили подшутить над Перчихиным. Когда он однажды спустился вниз по скобяному трапу в круглом железном колодце, ведущем на дно лодки, снизу подставили большой мешок. Перчихин, не видя, ступил в него, мешок сразу вздернули вверх, и, только голова Перчихина показалась из люка, края мешка сомкнулись над ней. Мешок крепко завязали. Все молча отскочили в сторону, давась от смеха, ступая на цыпочках.

– А ну, развязывайте, – послышалось из мешка, в котором барахтался Перчихин, – все равно я же слышу, кто это тут начудил... Миронов, не ходи на цыпочках, ты не балерина, все равно я твою походку знаю. А вон в том углу – это Валяев сопит. Не давайсь понапрасну, я и так тебя слышу. И Чубенку слышу: у него кишка с кишкой разговаривает. «Перехватил, говорит, хозяин, борща...» А ну, живо развязывайте, а то я сейчас как выну бебут¹ да и распорю мешок к чертям на лапшу!

Пришлось разоблаченным шутникам освобождать Перчихина.

– Ну у тебя же и уши, – ворчал, выпутывая акустика из мешка, Миронов, – это же не уши, а форменные звукоуловители.

Замечательный слух Перчихина уже не раз сослужил добрую службу в боевых походах подлодки. Это он первый услышал тяжелый зловещий водяной грохот, исторгаемый могучими винтами германского крейсера. Он тогда помог Звездину точно определить место и курс немецкого корабля. Командир, веря своему акустику, рассчитал дистанцию, угол торпедной атаки, и Перчихин, отстранив наушники, чтобы не быть оглушенным, услышал два тяжких подводных взрыва. Это Звездин нанес двойной торпедный удар и вывел из строя один из лучших кораблей германского флота.

Другой раз, идя на большой глубине, Перчихин расслышал над собой какой-то странный легкий, стрекочущий звук, с трудом отличимый от шумов, которые были «своими», то есть принадлежали самой лодке. И Перчихин доложил командиру, что наверху подводная лодка. Мало того, по непривычному звуку дизелей ухо Перчихина определило, что эта лодка не наша. Командир решил все-таки проверить это и на какую-то долю секунды подвсплыл и показал перископ. Он ясно разглядел крупную немецкую подлодку. Но немцы тоже заметили перископ. Вражеская подлодка стала быстро погружаться и выпустила торпеду по Звездину. Перчихин ясно слышал, как она прошуршала у него над самой головой, – прошуршала и ушла. И в морской глубине разыгрался смертоубийственный поединок двух подводных лодок. Бой шел вслепую. Противники не видели друг друга. Теперь все зависело от Перчихина. Он не выпускал врага из своего цепкого слуха. На лодке всем было приказано соблюдать полнейшую тишину. Перчихин припал к своим аппаратам, выслушивал море. Но немцы тоже притихли. Часа три длилось это напряженное молчаливое выжидание на глубине, потом у немцев, должно быть, сдали нервы, они пошли еле слышно, самым тихим ходом. Но от ушей Перчихина нельзя было скрыться. Он тотчас же доложил о маневре противника командиру. Звездин вышел на атаку и прямым попаданием торпеды разможил немецкую подлодку.

Следует добавить, что своей славой всеслышащего человека Перчихин пользовался не только в морских глубинах, но и на берегу... Так он познакомился с хорошенькой Дусей, подавальщицей в столовой подплава.

– Разрешите обратиться, – вкрадчиво произнес он, настигая Дусю недалеко от причала, – чересчур много о вас слышал.

– Зря вы всё говорите, ну что такого вы могли про меня слышать? – возразила застенчивая Дуся, польщенная, однако, тем, что на нее обратил внимание прославленный акустик.

¹ Бебут – кривой солдатский кинжал.

– Все слышал. Мне и телефона не требуется – беру на слух, невооруженным ухом. Имею такую способность. Другой и ухом еще не поведет, а я уже внял. Тем более, учтите, акустик я, Перчихин Семён, будем знакомы.

Дуся пользовалась у нас на базе подводных лодок большим успехом. И бедному Перчихину приходилось слышать о ней действительно очень часто и много от конкурирующих с ним товарищей.

– Это прямо вечная чертовня с ней получается, – жаловался мне Перчихин. – Собирался вчера с Дусей этой в ДКФ² на кино сходить. Направляюсь, значит, к ней, а она уже идет по пирсу под прикрытием троих этих гавриков с «Гремучего». Идут около нее в пику мне противолодочным зигзагом. Я, конечно, пилоточку поправил, следую в сторонке, хотя веду наблюдение. Не обращаю внимания, хотя видимость полная. Тогда я делаю захождение, ясное дело, подстраиваюсь к ней с левого борта... Но эти, с «Гремучего», следуют за нами. Какая же это прогулка с таким конвоем?

Шансы Перчихина несколько повысились, когда на базе стали готовиться к большому вечеру краснофлотской самодеятельности. Дуся недурно пела. Перчихин сперва намеревался выступить с ней в дуэте, но голос у него был такой, что ему пришлось удовольствоваться лишь ролью аккомпаниатора – он хорошо играл на баяне.

² ДКФ – Дом Красного флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.